ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Лѣтомъ 1863-го года).

Статья первая.

I.

Характеръ Олонецкой губерніи.—Чиновническая губернія.—Общественное развитіе губерній съ дворянствомъ и безъ дворянства.—Единственный представитель дворянства въ сѣверной части губерніи.—Быстрая смѣна чиновниковъ.—Промыслы губерніи.—Карела.—Горнозаводскіе крестьяне.—Форма крестьянскаго землевладѣнія.—Города.—Судоходство.—Вознесенская пристань.—Способы путешествія по сѣверной части губерніи.—Палеостровскій монастырь.—Древніе акты.—Монастыри олонецкаго края.—Мысль о соединеніи съ монастырями пенитенціарныхъ заведеній.—Чолмужъ.—Ѣзда волокомъ.—Чолмужскіе обѣдные вотчинники: ихъ бытъ, процессъ, крестьяне.—Пигмаска.—Повѣнецъ.—Лѣсопильный заводъ.—Тюрьма.—Богадельня.—Исторія одного цыганскаго семейства.—Приходское училище.—Средство поднять Повѣнецъ, по мнѣнію одного изъ его гражданъ.

«Чиновническая губернія!»—такъ называютъ сами олончане свою родину. И это качество прибрано очень вѣрно; оно показываетъ существенную черту общественнаго различія Олонецкой губерніи отъ остальной Россіи.

Очень жаль, что у насъ не было и нѣтъ хорошей карты крѣпостнаго населенія, съ обозначеніемъ болѣе густыми красками большей пропорціи бывшаго крѣпостнаго населенія. Это важно нетолько для прошедшаго, но и для настоящаго и будущаго. Гдѣ не было крѣпостнаго населенія, тамъ не было дворянства, то-есть не было крупнаго землевладѣльческаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, относительно образованнаго и независимаго класса, а въ такомъ случаѣ общественная жизнь представляетъ другой строй, всѣ административныя и судебныя реформы должны въ приложеніи получить другое устройство. Олонецкая губернія принадлежитъ (вмѣстѣ съ Архангельской) къ числу некрѣпостныхъ и недворянскихъ. На 250,000 душъ населенія тамъ всего считалось 5,000 владѣльческихъ крестьянъ, при томъ почти всѣ они въ южныхъ уѣздахъ, да и къ тому же владѣльцы все мелкопомѣстные, такъ что это не могло имѣть никакого вліянія на обще-

ственный строй губерніи—даже дворянскихъ установленій и выборовъ не было. Какъ любопытное исключеніе существуетъ въ самомъ сѣверномъ уѣздѣ, Повѣнецкомъ, единственный дворянинъ-помѣщикъ съ 25-ю душами крестьянъ. Владѣлецъ этого крѣпостнаго оазиса и представитель бывшаго еще недавно главнаго типа нашей цивилизаціи, служившій въ Петербургѣ, какъ-то вздумалъ навѣстить свое помѣстье. Человѣкъ онъ былъ набожный и встрѣчая почти на каждой верстѣ большіе кресты, клалъ поклоны и молился. Пошелъ говоръ: «ѣдетъ какой-то невѣдомый баринъ по захолустью и все молится». Духовное и полицейское начальство ударили тревогу. «Должно быть, это—раскольничій архіерей!» И бѣднаго представителя законной цивилизаціи взяли въ губернскій городъ къ допросу—такъ неудачно кончилось появленіе дворянскаго начала въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.

У насъ въ губерніяхъ судъ, полиція, администрація въ рукахъ дворянства; оно одно до сихъ поръ составляетъ общество, *интеллигенцію* губерніи, и общество нетолько фактическое, но и юридическое, съ сильной организаціей, съ правомъ контроля и представленія. Въ Олонецкой губерніи есть только народъ и чиновники. Въ судахъ всѣ мѣста коронныя, надъ администраціей нѣтъ общественнаго контроля. Пустота эта ничѣмъ не наполнена, изъ народа по разнымъ условіямъ не выдвинулся и не могъ выдвинуться классъ въ родѣ gentry. Купечество, очень малочисленное, вслѣдствіе бѣдности промысловъ и по образованію своему не въ состояніи играть видной роли. Большая часть капиталовъ находится или въ рукахъ иногородныхъ купцовъ, или крестьянъ. А каково чиновничество? Оно распадается на двѣ группы—мѣстнаго и пришлаго. Мѣстное, впрочемъ, только относительно; его составляютъ по большей части тѣ прикажныя семьи, которыхъ предки пріѣхали на службу и обзавелись домками въ давнее время. Землевладѣльцевъ между ними нѣтъ. Пришлаго чиновничества, непускающаго корней, очень много. Олонецкая губернія, несмотря на близость отъ Петербурга, пользуется привилегіей отдаленныхъ, полудикихъ областей; чиновники, при поступленіи туда на службу, получаютъ не въ зачетъ годовой окладъ. Это и приманиваетъ туда многихъ; но послуживши годъ, они торопятся уйти во внутреннія губерніи. Тоска ихъ томитъ, нѣтъ общества. Нигдѣ нѣтъ такого чиновничьяго движенія, какъ въ Олонецкой губерніи. Одинъ изъ тамошнихъ старожиловъ-чиновниковъ говорилъ мнѣ: «Повѣрите ли, не проходитъ недѣли, чтобъ я не встрѣчалъ какого нибудь изъ новоопредѣлившихся или не провожалъ отъѣзжающихъ». Кромѣ тоски есть и другая причина такого движенія. Мнѣ объяснилъ ее одинъ изъ уѣзд-

ныхъ исправниковъ, который на вопросъ сановника, какой награды онъ желаетъ, отвѣчалъ: «перевода въ одну изъ внутреннихъ губерній». «Во внутренней губерніи — говорилъ онъ — я найду себѣ поддержку въ дворянствѣ, если буду добросовѣстно отправлять свою должность, а здѣсь этого нѣтъ». Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ дворянскихъ губерніяхъ все-таки есть какое-нибудь общественное мнѣніе, на которое можно упереться въ случаѣ надобности. — Два чиновные элемента — мѣстный и пришлый, несовсѣмъ ладно уживаются, между ними бываетъ борьба, «то сей, то оный на бокъ гнется» и по большей части сливаются верхушки и того и другаго. Въ числѣ чиновнаго элемента немаловажную роль играютъ заѣзжіе; многіе изъ нихъ считаются лучшими чиновниками.

Олонецкая губернія живетъ Петербургомъ. Судоходство и лѣсопромышленость — главныя средства существованія. Народъ по теченію Свири очень богатъ и живетъ привольно; говорятъ, что есть крестьяне, у которыхъ капитала до ста тысячъ. Но все-таки они остаются крестьянами во всѣхъ отношеніяхъ. Лѣсопромышленость въ рукахъ иногородныхъ купцовъ, въ особенности петербургскаго Громова, которому принадлежатъ громадные лѣса и нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ. Заонежье — полуостровъ на западной сторонѣ Онежскаго озера, населено бойкимъ и промышленнымъ народомъ, но промыслы ихъ не на мѣстѣ, а въ Петербургѣ. Цѣлыя артели выходятъ изъ волостей Толвуя и Шунги — это петербургскіе ярославцы. Далѣе, выдѣляются въ крестьянствѣ типы рыбаковъ, горнозаводскихъ крестьянъ, карловъ.

Карелы, по крайней мѣрѣ, въ южной части Олонецкой губерніи, въ Олонецкомъ уѣздѣ рѣшительно русѣютъ. Въ одномъ селеніи около Александросвирскаго монастыря я былъ удивленъ, когда содержатель станціи и нѣсколько крестьянъ заговорили между собою по-карельски. Они говорили со мною по-русски, какъ коренные русскіе; ихъ одежда, поступь (не найду словъ для перевода французскаго tournure), окладистыя бороды, волосы въ кружокъ, ихъ домашній бытъ и обиходъ, большіе образа, лавки, печи — все было самое русское, хоть изъ-подъ Москвы. Въ городѣ Олонцѣ то же самое явленіе: въ гостиномъ дворѣ между купцами: всѣ они карелы, которыхъ нельзя отличить отъ русскихъ. Карелы давно крещены, потому что въ XIV-мъ вѣкѣ въ ихъ странѣ уже были православные монастыри. Впрочемъ, очень немногіе изъ нихъ идутъ въ духовное званіе; въ монастыряхъ изрѣдка попадаются они; а въ числѣ священниковъ я встрѣтилъ только одного, но за то съ самой рѣзкой карельской фи-

зіономіей, скорѣе даже японской. Въ сѣверной части Олонецкой губерніи карелы очень бѣдны. Они живутъ около многочисленныхъ озеръ, на самой бѣдной почвѣ. Хлѣбъ они покупаютъ изъ казеннаго повѣнецкаго магазина, мѣшаютъ его на половину съ древесной корой, смѣшиваютъ съ толченой сушеной рыбой, и питаются этой смѣсью. Вообще, сѣверная часть Олонецкой губерніи—страшная дичь. Есть, напримѣръ, деревня Космозеро, въ которую почти не проникаютъ уѣздныя власти. «Заѣдешь туда, говорятъ, да послѣ и не знаешь, какъ выѣхать». Вотъ тамъ-то и живетъ полудикая Карела. Горное дѣло заведено въ Олонецкой губерніи Петромъ-Великимъ. Преданія о немъ очень свѣжи до сихъ поръ. Есть крестьянскія семейства, гдѣ онъ крестилъ дѣтей, и подарки его переходятъ, какъ святыня, изъ рода въ родъ. Онъ же устроилъ Марціальныя воды—источникъ, открытый однимъ крестьяниномъ, написалъ правила для пользованія ими, опредѣлилъ при нихъ постояннаго врача. Петръ сначала основалъ заводъ на р. Повѣнчанкѣ, гдѣ теперь городокъ Повѣнецъ; заводъ этотъ давно уже оставленъ. Но другой большой заводъ существуетъ въ полной силѣ до сихъ поръ и послужилъ родоначальникомъ городу Петрозаводску.

Всѣ крестьяне Петрозаводскаго уѣзда были обращены въ горнозаводскіе. Россія до послѣдняго времени не вѣрила въ свободный трудъ ни въ земледѣліи, ни въ фабричной промышленности. Для каждой казенной фабрики приписывались крестьяне, то-есть существованіе ея обезпечивалось крѣпостнымъ трудомъ. Съ общимъ освобожденіемъ крестьянъ, и горнозаводскимъ объявлена воля, но они еще до сихъ поръ стоятъ временно въ обязательныхъ отношеніяхъ къ заводу.

Переходъ отъ рабства къ свободѣ часто совершается съ большимъ трудомъ. Энергія, стремленіе къ экономіи, къ самостоятельному хозяйству, самая воля употреблять свои силы по собственному произволу и выбору—все притупляется. Въ этомъ отношеніи я имѣлъ положительныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ, что сибирскіе горнозаводскіе крестьяне были хуже крѣпостныхъ. Работа ихъ мало чѣмъ отличалась отъ работы каторжныхъ. Различіе состояло въ томъ, что работникъ работалъ не все время, а приблизительно двѣ недѣли въ мѣсяцъ и получалъ, сверхъ провіанта, денежную плату. Но, проведя двѣ недѣли въ страшной работѣ, остальныя двѣ недѣли они пьянствовали, и, конечно, все пропивали. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ видѣлъ на сибирскихъ заводахъ такой случай. Работникъ нашелъ, не помню хорошенько, или самородокъ или руду, и на основаніи закона получилъ въ награду 2,000 рублей. На эти деньги онъ въ тече-

ніе мѣсяца предавался какому-то бѣшеному разгулу, но въ которомъ проявлялась, однако, глубокая соціальная черта. Купитъ онъ бочку водки, сядетъ на нее и кричитъ: «эй, голь, ступай пить!» И голь со всей площади стекалась пить и славить угостителя. Покупалъ онъ возы платковъ, дарилъ всѣмъ бабамъ, а главное бросалъ въ грязь и ходилъ по нимъ. Хотѣлось ему хотя разъ пожить, и онъ пожилъ какъ съумѣлъ лучше, жизнь не пріучила его ни къ сбереженію, ни къ возможности выйти трудомъ изъ прежняго положенія. Говорятъ, когда сибирскимъ горнымъ работникамъ объявлена была воля, они стояли какъ ошеломленные. «Что же мы будемъ дѣлать теперь?» заговорили они. Свободный трудъ не могъ уложиться въ ихъ понятія, въ ихъ натуру, и они пошли просить начальство оставить ихъ на прежнемъ положеніи.

Въ Олонецкой губерніи положеніе горныхъ крестьянъ и рабочихъ было другое. Здѣсь вовсе нѣтъ тяжкихъ сибирскихъ работъ. Мастеровые живутъ въ чистыхъ домахъ слободой около завода. Для нихъ уничтоженіе завода было бы сильнымъ ударомъ; они пріучены съ малолѣтства къ заводскому производству, а заводъ—единственный въ цѣлой губерніи; гдѣ бы имъ найти работу? Плата имъ производится весьма порядочная, и въ послѣднее время, какъ мнѣ говорили, увеличена. На заводѣ мнѣ также говорили, что и горнозаводскіе крестьяне нитаются имъ: заводское начальство платитъ имъ наличными деньгами, и этимъ только они и существуютъ. Но крестьяне, съ которыми я говорилъ, другаго мнѣнія: они имѣютъ достаточно земли и рыбныхъ ловель, и считаютъ плату, даваемую заводомъ, недостаточною, и вообще почли бы благодѣяніемъ, еслибъ ихъ поставили наряду съ другими государственными крестьянами относительно податей и повинностей. Нынѣшнія повинности въ особенности тягостны пропаломъ. Главная изъ нихъ—рубка дровъ на заводъ. При этомъ происходитъ много злоупотребленій со стороны низшихъ агентовъ горнозаводской власти — солдатъ, которыхъ посылаютъ наблюдать за рубкой. Если ему не дать денегъ, то отведетъ для рубки деревья суковатыя, вѣтвистыя, за которыми втрое больше работы, чѣмъ за гладкими. При доставкѣ руды также бываютъ злоупотребленія. Все это, конечно, такіе недостатки, отъ которыхъ трудно предохранить самому заботливому начальству, особенно на большихъ разстояніяхъ, потому что источникъ ихъ лежитъ въ самомъ принципѣ обязательнаго труда.

Землевладѣніе у крестьянъ Олонецкой губерніи представляетъ замѣчательную наклонность къ частной собственности, а не къ обще-

ственной. Участки земли переходятъ по наслѣдству, и передѣла не бываетъ. Этотъ обычай укрѣпленъ какимъ-то постановленіемъ 1819-го года, по которому повелѣно новымъ членамъ общины давать участки изъ пустопорожнихъ земель, а не передѣлять. Такое отклоненіе отъ общаго типа пользованія землей, существующаго у нашего крестьянства, объясняется характеромъ почвы. Въ этой холодной и безплодной странѣ, надобно употребить столько же труда на разчистку земли подъ пашню, сколько въ другомъ мѣстѣ на огороды. Въ особенности страдаетъ губернія недостаткомъ луговъ, оттого скотоводство ничтожное, а слѣдовательно и земледѣліе идетъ плохо. Любопытно, что для удобренія земли употребляютъ, между прочимъ, древесныя опилки, конечно тамъ, гдѣ существуютъ лѣсопильные заводы.

Города Олонецкой губерніи, которые я посѣтилъ, Олонецъ, Лодейное поле, Повѣнецъ, Петрозаводскъ не представляютъ ничего замѣчательнаго; они малы и бѣдны. Самый губернскій городъ—едвали не бѣднѣйшій и скучнѣйшій въ Россіи. Лучше другихъ—Вытегра: здѣсь и торговли больше, и общественной жизни, и строенія лучше. Этому она обязана положенію своему на большомъ судоходномъ каналѣ, а также пребыванію управленія округа водяной коммуникаціи. Вообще южная часть губерніи по богатству рѣзко отличается отъ сѣверной, особенно по берегу Свири и по каналамъ. Здѣсь безпрестанно вы встрѣчаете большія селенія съ каменными домами, лавками, богатыми церквами. Вездѣ кипитъ жизнь и довольство. Пять тысячъ судовъ, проходящихъ ежегодно по каналу, удобство сбыта лѣса и другихъ продуктовъ—хорошій источникъ благосостоянія. Сборъ судовъ бываетъ въ Вознесенской пристани, лежащей на перепутьи между Свирью, Онежскимъ озеромъ и Вытегорскимъ каналомъ. Селеніе все состоитъ изъ трактировъ, кабаковъ, постоялыхъ дворовъ и лавокъ. При мнѣ стояло до 400 судовъ, и можно было насмотрѣться на бурлацкую жизнь.

Но сѣверная часть губерніи очень бѣдна и безжизненна. Одна изъ самыхъ интересныхъ ея частей—Заонежье, полуостровъ на сѣверо-западной части озера. Здѣсь живетъ самый бойкій народъ олонецкаго края. Пять дней я прожилъ въ этой сторонѣ, и могу сказать, что путешествіе нелегкое. Дорогъ желѣзныхъ очень мало, да и тѣ недавно проложены горнымъ начальствомъ, и притомъ, гдѣ онѣ и существуютъ, все-таки телегъ нѣтъ. Путешествіе лѣтомъ возможно въ двухъ видахъ: водою по безчисленнымъ озерамъ и заливамъ, и верхомъ. Мнѣ случалось дѣлать по 50 верстъ въ день верхомъ. Вещи мои везли на очень оригинальномъ экипажѣ: двѣ длинныя жерди

волокутся по землѣ, въ нихъ впрягается лошадь, а по срединѣ прибито нѣсколько досокъ, къ которымъ и привязывается чемоданъ. А между тѣмъ край людный и народъ достаточный.

На сѣверо-западномъ углу Онежскаго озера находится одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ монастырей — Палеостровскій, на островѣ Пальѣ (*). Онъ былъ два раза сожженъ раскольниками, такъ что строеніе его все новое. Не осталось никакихъ преданій о знаменитомъ Павлѣ Коломенскомъ, бывшемъ здѣсь въ заточеньи, и вообще ничего изъ XVIII вѣка; но за то по какому-то счастливому случаю сохранилось много древнихъ актовъ, что и побудило меня провести въ немъ нѣсколько дней.

Трудно найти уединеніе, болѣе полное и болѣе прекрасное, какъ Палеостровъ. Отъ ближайшаго пункта твердой земли — селенія Толвуя разстояніе водою около 6 верстъ, далѣе чистое Онежское озеро, до противоположнаго берега котораго верстъ двадцать. Островъ очень невеликъ и состоитъ изъ довольно высокой скалы, приступной только въ одномъ пунктѣ. Пещера св. Корнилія, основателя монастыря, находится не болѣе полуверсты разстоянія отъ монастыря. Около пещеры выдается крутая, почти отвѣсная скала, съ которой открывается вся панорама Онежскаго озера во всей его дивной красотѣ. Кругомъ и на землѣ и на водѣ страшная тишь. Изрѣдка только видѣется рыбачья лодка, еще рѣже барка съ лѣсомъ изъ Повѣнца. Только въ началѣ весны караванъ соловецкихъ богомольцевъ заходитъ на поклоненіе мощамъ св. Корнилія, за тѣмъ круглый годъ не бываетъ ни богомольцевъ, ни посѣтителей.

Палеостровскій монастырь, выражаясь старинымъ языкомъ — «строеніе великаго Новгорода». Въ синодикахъ монастыря стоитъ во главѣ имена новгородскихъ посадниковъ, первыхъ вкладчиковъ. Монастырь, основанный на новгородской землѣ, не имѣлъ крестьянъ; крѣпостное право никогда не существовало въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Оттого секуляризація монастырскихъ населенныхъ имѣній, бывшая при Екатеринѣ II, не могла коснуться Палеострова, какъ и много другихъ мѣръ. Съ перваго разу васъ занимаетъ то, что монастырь владѣетъ тѣми самыми землями, какія имѣлъ въ XIV и XV вѣка, а главное старые пергаментные акты этого времени, данные новгородскими боярами и митрополитами, до сихъ поръ служатъ основаніемъ монастырской собственности. Когда я пріѣхалъ въ монастырь (въ Петровъ день), ящикъ съ актами былъ въ Чолмужѣ у землемѣра,

(*) Палья — рыба, родъ форели.

который свѣрялъ межевыя грани на основаніи разводной граматы XIV вѣка и тому подобныхъ актовъ. И вся эта старина, положимъ хотя только юридическая, владѣльческая, осталась нетронутой въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ!

Настоятель монастыря отозванъ былъ въ Петрозаводскъ для исправленія должности эконома архіерейскаго дома, а управленіе монастыремъ передано было, почти въ день моего пріѣзда, миссіонеру-іеромонаху Исихію, съ которымъ я нѣсколько познакомился при встрѣчѣ въ Горскомъ погостѣ. По распоряженію управляющаго монастыремъ, мнѣ доставленъ былъ ящикъ съ граматами и всевозможныя въ монастырѣ удобства для занятій.

Граматы большей частью отлично сохранились, особенно древнѣйшія, пергаментныя. Очень жаль, что одно обширное судное дѣло половины XVII вѣка сильно попорчено: края съ цѣлыми словами обгнили, и въ срединѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорѣхи.

Всѣхъ граматъ болѣе ста. Между ними есть даже XIV столѣтія, времени новгородской республики и основанія монастыря. Палеостровскій монастырь былъ колоніей новгородскаго Вяжицкаго и долгое время платилъ ему дань, но въ концѣ XV вѣка былъ освобожденъ отъ нея жалованной граматой. Отъ него пошли далѣе колоніи-монастыри. Знаменитый Соловецкій монастырь былъ также колоніей Палеостровскаго. По оставшимся граматамъ можно прослѣдить отчасти исторію монастыря и быта края. Такъ въ XIV вѣкѣ былъ въ этой сторонѣ какой-то могущественный новгородскій боярин, которому принадлежало много земель и который налагалъ свою тяжелую руку на монастырскія владѣнія и угодья сосѣднихъ свободныхъ крестьянскихъ общинъ. Сохранилась запись раздѣльная, заключенная имъ съ монастыремъ и общинами. Изъ жалованной граматы 1478-го года, данной вяжицкимъ игуменомъ Варламомъ, видно, что Вяжицкій монастырь имѣлъ и тогда право господства и суда надъ всей онежской стороной, потому что игуменъ говоритъ, что если кто станетъ обижать палеостровскихъ монаховъ во владѣніи данныхъ имъ угодій, того онъ будетъ судить. «А кто почнетъ съ ними суноровати ино его звати нашею низовинцею, а судъ ему предо мною». Въ одной граматѣ царя Михаила Ѳедоровича (1621-го г.) упоминается о древнѣйшемъ актѣ, который, къ сожалѣнію, не сохранился, именно о дарственной записи новгородской посадницы Василисы монастырю на сельцо Яковлево. Въ монастырскомъ синодикѣ записаны роды новгородскихъ посадниковъ, жаловавшихъ монастырю земли, Іоанна, Андрея, Василія и проч., но безъ прозваній и безъ означенія годовъ кончины.

Остались грамоты, относящіяся къ исторіи сожженія монастыря раскольниками.

Нѣсколько дней я разбиралъ коллекцію. Было какое-то особенное чувство разбирать эту старину не въ кабинетѣ, а на пустынномъ монастырскомъ островѣ, въ странѣ, гдѣ до сихъ поръ въ самой жизни народа осталось такъ много старины. Въ Олонецкой губерніи много монастырей упраздненныхъ, напримѣръ Муромскій, Соломенная пустынь, Вознесенскій и другіе. Явленіе общее со всей Россіей, то-есть потребность въ монастыряхъ, значительно уменьшилась въ сравненіи съ допетровскимъ временемъ. Въ старину монастырь, кромѣ своего общаго значенія—быть убѣжищемъ для людей, желающихъ предаться аскетизму, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вдовьимъ домомъ, и богадельней для старцовъ. Теперь положеніе вдовы вовсе не то, что было въ старину, а благотворительность перешла въ руки государства и общества. Но монастырь имѣлъ встарину еще одно значеніе, которое было бы полезно возстановить въ наше время — значеніе тюрьмы. Нетолько религіозные преступники или провинившіяся лица бѣлаго духовенства ссылались въ монастыри «на смиреніе», то-есть на заключеніе, соединенное иногда съ работой болѣе или менѣе тяжкой и вмѣстѣ съ духовнымъ назиданіемъ, но также мѣшные, опальные бояре. Словомъ, это была тюрьма высшаго разряда. Съ отмѣной тѣлеснаго наказанія, у насъ необходимо увеличить число тюремныхъ заведеній; послѣднее даже необходимо для окончательнаго уничтоженія этихъ наказаній. Вспомнимъ, что указъ 17-го апрѣля оставилъ еще для низшихъ сословій тѣлесное наказаніе розгами, какъ замѣну тюремнаго заключенія, при недостаткѣ тюремныхъ заведеній. Военное вѣдомство съ своей стороны озабочено необходимостью учредить тюрьмы для солдатъ. Учрежденіе множества новыхъ тюремъ естественно повлечетъ большіе и очень большіе расходы. Но это еще не все. Тюрьма имѣетъ или должна имѣть характеръ исправительнаго заведенія. Гдѣ набрать для этого хорошій персоналъ и сколько это будетъ стоить? По нашему мнѣнію, монастыри могли бы очень удобно удовлетворить этой потребности.

Мы сказали, что въ Олонецкой губерніи есть много упраздненныхъ монастырей. Кромѣ того, много большихъ монастырей имѣютъ малочисленную братію и зданія ихъ стоятъ въ пустѣ. Приведу въ примѣръ Александро-свирскій монастырь. Онъ находится въ 17-ти верстахъ отъ Лодейнаго-поля по дорогѣ въ Олонецкъ. Онъ состоитъ изъ двухъ обширныхъ монастырей, раздѣленныхъ только небольшимъ рвомъ: собственно Александро-свирскаго и Троицкаго, соединенныхъ теперь

въ оцинѣ. Александро-свирскій монастырь составляетъ громадное зданіе. Обширная площадь, на которой стоитъ нѣсколько церквей, обведена каменной стѣной, но это не простая стѣна, а двухъэтажный безконечный домъ, съ жилыми комнатами, церквами и проч. Въ этомъ зданіи прежде помѣщалось очень удобно нѣсколько сотъ монаховъ, консисторія и архіерей. Теперь только одна частица его занята духовнымъ училищемъ; монахи, которыхъ теперь не болѣе 30, помѣщаются въ Троицкомъ монастырѣ, и обширное зданіе стоитъ въ пустѣ. Деревянная крыша погнила, стѣны обваливаются; монахи мнѣ говорили, что средства монастырскія не позволяютъ поддерживать такое обширное зданіе, а потому составленъ планъ сломать его и сложить обыкновенную стѣну. Вотъ готовое зданіе для пенитенціарія хоть на 200 человѣкъ. При томъ мѣстность отличная для подобнаго заведенія: здоровый воздухъ, уединенность мѣстности, удобство доставки преступниковъ изъ Петербурга водою (р. Свирь въ 5-ти верстахъ отъ монастыря). Тѣ же удобства представляютъ и другіе монастыри, особенно Палеостровскій. Кому лучше, какъ не монахамъ, надзирать и заботиться о нравственномъ исправленіи заключенныхъ, конечно, подъ властію и по указаніямъ гражданскаго начальства, иначе исправленіе легко можетъ принять характеръ нравственнаго насилія. Монастыри при этомъ получили бы новую жизнь, возстановилась бы порванная связь ихъ съ обществомъ. Конечно, не всѣ монастыри могутъ быть обращены въ исправительныя заведенія: надобно предоставить нѣсколько убѣжищъ и для чистаго аскетизма, разумѣется, впрочемъ, не на счетъ государства, а на добровольныя пожертвованія общества. Если общество даетъ добровольно деньги на извѣстное установленіе, стало быть оно считаетъ существованіе его полезнымъ для себя.

Было встарину еще одно значеніе монастырей, и у насъ, и на Западѣ—ученое. Въ монастыряхъ были собраны всѣ сокровища науки; они же давали полную возможность въ тишинѣ, безъ развлеченій, безъ заботъ о насущныхъ матеріальныхъ потребностяхъ заниматься наукой. Но съ Петра-Великаго монастыри потеряли это значеніе. Мало того, въ наше время образованіе перешло отъ чернаго духовенства къ бѣлому до такой степени, что дѣлается затруднительнымъ даже пополненіе высшихъ іерархическихъ должностей, которыя могутъ быть заняты монахами. Мнѣ говорили, что въ послѣдніе три выпуска студентовъ петербургской духовной академіи не нашлось ни одного желающаго идти въ монахи. Поэтому въ монастыряхъ рѣдко встрѣтите даже между начальствующими людей, получившихъ высшее

или хотя среднее образованіе. А между тѣмъ, какъ я на себѣ испыталъ въ Палеостровѣ, какое превосходное мѣсто для ученыхъ занятій монастырь, особенно для занятій русской старивой.

Въ одной изъ граматъ XIX-го вѣка, находящихся въ Палеостровскомъ монастырѣ (о которой мы упоминали), говорится о чолмужскомъ боярвнѣ, новгородцѣ, который, какъ видно, былъ значительнымъ землевладѣльцемъ, и, какъ въ то время водилось, тяжелымъ для окольныхъ крестьянъ, даже толвуйскихъ, на другомъ берегу озера. Теперь Чолмужъ представляетъ любопытный общественный остатокъ старины,—онъ принадлежитъ обѣльнымъ вотчинникамъ. Былъ ли ихъ родоначальникъ, получившій обѣльную грамату, потомкомъ этого боярина, или нѣтъ—не видно изъ актовъ; первое очень возможно. Я основываюсь въ этомъ случаѣ вопервыхъ, на томъ, что при опредѣленіи правъ на рыбную ловлю въ обѣльной граматѣ границы означены почти такъ же, какъ въ разводной граматѣ боярина; вовторыхъ, что священникъ Ермолай, которому дана обѣльная грамата, былъ не священникомъ, а жителемъ Чолмужа. Чолмужъ лежитъ на восточномъ берегу озера, насупротивъ Палеострова. Я поѣхалъ въ довольно большой лодкѣ съ 4 гребцами. Прямой водный путь пересѣкается длиннымъ Заячьимъ островомъ. Приходилось огибать, что дѣлало разницу версты въ четыре противъ прямаго пути. По самой серединѣ своей островъ очень узокъ, думаю, не болѣе 50 шаговъ, и этотъ перешеекъ состоитъ изъ горки, покатой съ обѣихъ сторонъ. Мы перевели лодку чрезъ перешеекъ на каткахъ, матеріалы для которыхъ, небольшія обстроганныя бревна, въ родѣ толстыхъ тележныхъ осей, лежали тутъ же на берегу, составляя общую собственность. Подкатываютъ подъ лодку эти палки и тащатъ веревкой. Какъ видно, этотъ способъ перешелъ съ глубокой древности. На Заячьемъ острову стоитъ избушка, гдѣ укрываются рыбаки во время осеннихъ непогодъ. Чолмужъ расположенъ на плоскомъ берегу; мѣсто обильно рыбой; чолмужскіе сиги славятся по онежскому краю.

Населеніе Чолмужа состоитъ изъ 63 душъ обѣльныхъ вотчинниковъ (29 душъ мужск. и 34 женск. пола) и 80 душъ мужск. пола ихъ бывшихъ крестьянъ. Чолмужскіе вотчинники—одна фамилія Ключаревыхъ, имѣющая одного историческаго родоначальника. Въ 1614-мъ году царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ толвуйскаго (*) попа Ер-

(*) Толвуй — селеніе на противоположномъ берегу озера.

мила, какъ кажется, родомъ изъ Чолмужа, (можетъ быть, потомка новгородскаго боярина) чолмужскимъ селеніемъ 2 вытями съ полутретьей и 8 пустыми вытями со всѣми крестьянами въ вѣчное и потомственное владѣніе за то, что когда «при Борисѣ Годуновѣ, при его самохотной державѣ злокозненнымъ его умысломъ мать великаго государя, старица Марѳа Ивановна сослана была въ Обонежскую пятину въ Егорьевскій погостъ», то попъ Ермилъ служилъ ей вѣрно, сообщалъ вѣсти про Филарета Никитича. Сынъ этого Ермилы, Исаакъ, былъ впослѣдствіи ключаремъ въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, конечно, поэтому потомки и стали называться Ключаревыми.

Подлинная грамата хранится и теперь въ Чолмужѣ у старшины. Она писана на большомъ пергаментномъ листѣ; на оборотѣ подтвердительныя надписи царей Алексѣя, Ѳедора, Петра и Іоанна.

Грамата освобождала потомство Ермила и его крестьянъ отъ всѣхъ, безъ исключенія, податей и повинностей — это былъ тарханъ въ полномъ смыслѣ слова. Ею давалось Ключаревымъ, кромѣ всего, право на рыбную ловлю по рѣчкамъ, впадающимъ въ Онежское озеро въ ихъ околотѣ. Любопытно, что еще недавно, на основаніи этой граматы, они выиграли довольно важное дѣло. Рыба изъ озера идетъ вверхъ по рѣчкамъ, такъ что лучшія лопли у устьевъ. Ключаревы и ставили въ устьяхъ заколы поперегъ всего теченія рѣчекъ. Казенные крестьяне, живущіе вверхъ по теченію, жаловались начальству, что они оставляютъ ихъ безъ рыбы, загораживая все теченіе, вопреки закону, заколами. Но Ключаревы торжественно показали то мѣсто жалованной граматы, гдѣ значится, что имъ предоставлено ловить «въ рѣкахъ сиги и всякую мелкую рыбу сѣтями и въ закалахъ лососи и палии», и администрація отступила.

Нельзя сказать, чтобъ всѣ Ключаревы, несмотря на великія льготы земли, ловли, крестьянъ жили зажиточно. Только одинъ изъ нихъ, Андрей Ивановъ, живетъ купеческимъ обиходомъ. У него большой двухъэтажный домъ, комнаты убраны очень порядочно; есть зеркала, городская мебель. Но главное украшеніе — множество богатыхъ образовъ, и между ними икона, подаренная царемъ Михаиломъ попу Ермилу. Другіе живутъ кое-какъ. Причина понятна. Мало возвышаясь по образованію надъ крестьянами, не имѣя поэтому никакихъ цивилизованныхъ потребностей, обезпеченные въ насущномъ безъ всякаго труда — льготами и ловлями, они лѣнивы. Привилегія вообще портитъ людей всѣхъ классовъ.

Въ настоящемъ году ихъ бытъ, остававшійся нетронутымъ ровно 250 лѣтъ, измѣнился съ манифестомъ 19-го апрѣля; надобно было освободить принадлежавшихъ имъ крестьянъ и нарѣзать имъ землю.

Изъ своего владѣнія (186 дес. покосу и пашни и 10,144 дес. лѣсу) они дали крестьянамъ 100 дес. покосу и пашни и 380 дес. лѣсу, разумѣется, и личную свободу съ прекращеніемъ всякихъ обязательныхъ отношеній, за что получили отъ казны 5,000 рублей.

Эти деньги и крестьянскій надѣлъ возбудили междоусобіе въ родѣ Ключаревыхъ—междоусобіе, разрѣшаемое въ настоящее время судомъ. Процесъ этотъ очень любопытенъ. Съ незапамятныхъ временъ въ Чолмужѣ половина всѣхъ рыбныхъ ловель, земель, крестьянъ и вообще всякихъ доходовъ принадлежала двумъ семьямъ — Андрею Иванову и его племяннику, а остальныя семьи, въ числѣ 25 душъ муж. пола, получаютъ другую половину. Андрей Ивановъ взялъ себѣ съ племянникомъ и половину съ выкупной суммы 5,000 рублей. Общество смолчало и тутъ. Но когда при надѣлѣ крестьянъ землей Андрей Ивановъ нетолько не согласился отдѣлить участокъ изъ своего пая пропорціонально полученной суммѣ, но и ничего не далъ, отговорившись тѣмъ, что его пашня лежитъ въ другой сторонѣ, остальные Ключаревы вышли изъ терпѣнія. Подали въ судъ бумагу, съ прось-бой: спросить у Андрея Иванова, на какомъ основаніи онъ завладѣлъ половиной всѣхъ доходовъ общества; пусть, дескать, представитъ документъ на это. Я видѣлъ въ повѣнецкомъ уѣздномъ судѣ вызовъ Андрею Иванову представить въ трехмѣсячный срокъ отвѣтъ. Я спрашивалъ у Андрея Иванова, на чемъ онъ основываетъ свое право. Онъ объяснилъ слѣдующее: «У Исаака, единственнаго сына попа Ермила, было 2 сына: Петръ и Ѳедоръ, какъ значится въ подтвердительной граматѣ царя Петра. Потомство перваго заключается въ Андреѣ Ивановѣ и его племянникѣ, а остальные Ключаревы происходятъ отъ втораго сына. Поэтому, ему и его предкамъ и принадлежала половина всѣхъ земель.» Объясненіе очень остроумное, но у Андрея Иванова нѣтъ никакихъ доказательствъ для этой генеалогіи; а вовторыхъ, еслибъ и были, то смыслъ граматы противится дѣлежу земель. Земля и угодья даны всему потомству; цѣль жалованья—чтобъ никто изъ потомковъ Ермилы не былъ исключенъ изъ владѣнія, чтобы никто не доведенъ былъ до нищеты; а этого не могло бы быть при наслѣдственномъ раздѣлѣ между поколѣніями; самая давность владѣнія едва-ли можетъ служить въ пользу Андрея Иванова, вопервыхъ потому, что владѣніе заключалось преимущественно въ пользованіи доходами, слѣд. не въ недвижимости, а вовторыхъ, оно не было заявлено ни въ какомъ актѣ, словомъ, объ этомъ распорядкѣ, какъ бы семейномъ, знали одни Ключаревы. Таково было мое мнѣніе. Но Андрей Ивановъ не робѣетъ. «Дѣды и отцы ихъ (т.-е. другихъ Ключаревыхъ) начинали споръ съ моими, да ничего не взяли.

Такъ исполнѣку было, такъ и будетъ». Очень упорный старикъ! Любопытно, чѣмъ рѣшитъ новѣнецкій уѣздный судъ и палата. Этотъ процесъ не иначе можетъ быть рѣшенъ, по моему мнѣнію, какъ на основаніи ученаго комментарія жалованной граматы царя Михаила. Ключаревы-истцы обращались ко мнѣ за совѣтомъ; сколько зналъ и понималъ, указалъ имъ. Впрочемъ, несмотря на процесъ, раздѣлившій Чолмужъ на два лагеря, обѣ стороны живутъ очень мирно. Меня привелъ къ Андрею Иванову старшина, глава противной партіи, и дружески распивалъ чай съ соперникомъ.

Въ Чолмужѣ есть маленькая старинная деревянная церковь времепъ царя Михаила. Церковь очень бѣдна. Кажется, что часть Ключаревыхъ придерживается раскола.

Въ административномъ отношеніи Чолмужъ, несмотря на маленькое населеніе, составляетъ самостоятельную волость, и непосредственно подчиняется новѣнецкимъ властямъ.

Что касается до крестьянъ, то Ключаревы жили съ ними на дружеской ногѣ: вмѣстѣ работали, вмѣстѣ ѣли. Но эти патріархальныя отношенія ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что бывало между настоящими дворянами въ Олонецкомъ и другихъ сосѣднихъ уѣздахъ. Тамъ зачастую бывало, какъ мнѣ разсказывалъ одинъ судья, что баринъ нанимался въ батраки къ своему же крестьянину, который бывалъ зажиточнѣе его. Какъ владѣлецъ — онъ беретъ съ него оброкъ, а взявши и пропивши и пропивши оброкъ, идетъ къ нему же въ батраки, и почтительно повинуется своему хозяину.

Такимъ образомъ начало гражданскаго права взяло верхъ надъ политическимъ. Никого это не смущало, различныя юридическія отношенія строго различались.

Изъ Чолмужа въ Пигмасну меня повезли на лодкѣ три крестьянина, бывшіе крѣпостные Ключаревыхъ. Одинъ изъ нихъ, помоложе, спросилъ меня съ усмѣшкой: «А что, баринъ, чай, нигдѣ не видалъ такихъ бояръ, какъ наши?» Я ихъ спросилъ: довольны ли они своимъ новымъ положеніемъ. Оказалось, что очень довольны, но смущало ихъ то, что принадлежа Ключаревымъ, они, на основаніи жалованной граматы послѣднихъ, были освобождены отъ рекрутской повинности, а теперь, какъ отдѣленнымъ отъ обѣльныхъ вотчинниковъ, придется участвовать въ этой тягѣ. Впрочемъ, несмотря на перспективу рекрутчины, они такъ довольны новымъ положеніемъ, что съ озабоченнымъ видомъ спросили меня: Правду ли говорятъ ихъ бояре, что царь опять хочетъ поворотить крестьянъ въ неволю помѣщикамъ — пристали-де къ нему дворяне. Я растолковалъ имъ, какъ умѣлъ понятнѣе, всю нелѣпость этого слуха. Молодой понялъ

и разувѣрился: «Ужъ если такіе баре, какъ графъ Шереметевъ, молчатъ да покоряются, такъ куда же намъ-то передѣлать это дѣло». Но старики были все-таки озабочены. Въ ихъ глазахъ Андрей Иванычъ было такое могущественное лицо, который, пожалуй, можетъ потягаться и съ цѣлымъ царствомъ русскимъ. Сильнѣе кошки звѣри нѣтъ!

Шесть часовъ мы ѣхали до пристани Пигмаски. Ночь была лунная и довольно холодная, несмотря на іюнь. Берега совершенно пустынны. Иногда вдругъ показывался рядъ домовъ — это временное жилье чолмужскихъ и другихъ окольныхъ рыбаковъ во время осенняго лова; какъ-то еще тяжелѣе становилось отъ этихъ пустыхъ деревень, словно чума прошлась.

То же впечатлѣніе производитъ и Пигмаска. До разоренія раскольничьихъ скитовъ здѣсь была пристань, гдѣ скиты запасались хлѣбомъ. Теперь здѣсь заколоченные амбары, повалившіяся строенія. Старообрядцы выведены, на мѣсто ихъ поселены два семейства крестьянъ изъ Псковской губерніи. Амбары, отличные у старообрядцевъ, были проданы съ публичнаго торга за *18 рублей*. Старикъ, повезшій меня въ Повѣнецъ, очень сокрушался о разореніи, а въ особенности о такой странной продажѣ, сказывая, что даетъ за наемъ одного амбара 5 рублей въ годъ.

Изъ Пигмаски проложена тележная дорога къ Габсельской станціи на повѣнецкой дорогѣ. Дорога — очень порядочное шоссе, на станціяхъ, хотя это не почтовыя, а земскія, есть постоянныя лошади, такъ что разстояніе до Повѣнца, 40 верстъ, я проѣхахъ съ небольшимъ въ 4 часа.

Въ Петрозаводскѣ говорятъ: «Повѣнецъ—свѣту конецъ». Но такъ-какъ самъ Петрозаводскъ очень близко подходитъ подъ это опредѣленіе, то перспектива Повѣнца была очень неутѣшительна.

Въ Повѣнцѣ всего 600 человѣкъ жителей, въ уѣздѣ 21,000 государственныхъ крестьянъ и 250 духовенства. Изъ 600 жителей Повѣнца 305 мѣщанъ, 17 чиновниковъ, остальные — промышленные крестьяне и разночинцы.

Повѣнецъ блистательно оправдываетъ сложившуюся про него поговорку. Отъ него никуда нѣтъ дорогъ, кромѣ въ окольныя селенія и необходимой казенной дороги въ губернскій городъ. На послѣдней дорогѣ на станціяхъ всего по 2 лошади; почты приходятъ разъ въ недѣлю. Въ городѣ всего 2 или 3 лавки съ чаемъ, табакомъ, веревками, сомнительнымъ виномъ и тому подобными продуктами. Лавки заперты и днемъ, рѣдкій покупатель звонитъ въ колокольчикъ и ча-

сто порядочно ждетъ хозяина. Дома—большею частію маленькія избы, единственное каменное зданіе—уѣздное казначейство.

Единственное промышленное заведеніе въ Повѣнцѣ—большой лѣсопильный заводъ, работающій водою. Онъ доставляетъ пропитаніе многимъ мѣщанамъ и солдатамъ инвалидной команды. Послѣдніе здѣсь благоденствуютъ, каждый обзавелся домкомъ; имъ остается довольно времени для работы на заводѣ, гдѣ плата очень хороша. Около лѣсопильнаго завода находятся развалины желѣзодѣлательнаго, основаннаго Петромъ-Великимъ и брошеннаго по невыгодности. Вотъ и вся промышленость. Въ городѣ нѣтъ ни одного купца. Крестьяне промышляютъ главнымъ образомъ звѣриною ловлею, въ особенности бѣлкою, и продаютъ добычу на шунгской ярмаркѣ. Цѣна бѣлки 6 и 7 коп. за штуку, рѣдко доходитъ до 10, а во время послѣдней войны стоила $3\frac{1}{2}$ к.; 35 бѣлокъ достаточно на тулупъ. Слѣдовательно бѣличій мѣхъ на тулупъ стоитъ всего 2 руб. 50 коп. Кромѣ бѣлки крестьяне добываютъ много рябчиковъ, главный сбытъ которыхъ на той же шунгской ярмаркѣ, обыкновенно по 20 коп. за пару.

Въ Повѣнцѣ, какъ въ уѣздномъ городѣ, необходимо должны существовать присутственныя мѣста, острогъ, богадельня, училище. Я съ любопытствомъ осматривалъ эти учрежденія и нашелъ, что они лучше чѣмъ во многихъ внутреннихъ городахъ. Острогъ очень хорошо содержится; арестантовъ было всего 4, а такъ-какъ комнатъ 5, то каждому дана особенная комната. Между ними была одна женщина. На мой вопросъ, за что она сидитъ, она отвѣчала: «за свое богомолье». Мнѣ объяснили, что она посажена за распространеніе раскола, что составляетъ уголовное преступленіе, наказываемое ссылкой на поселеніе. Это была совершенно простая баба, такъ что мнѣ непонятнымъ показалось, какъ могла она вести пропаганду. Она сказала: былъ-де у нихъ въ околоткѣ моръ на скотину, мужички попросили ее отслужить молебенъ по старой вѣрѣ—за это и взяли ее. Дѣло кончилось судебнымъ порядкомъ — она приговорена къ ссылкѣ на Кавказъ. Изъ Повѣнца на Кавказъ — хорошъ конецъ, да и перемѣна въ климатѣ и во всемъ бытѣ также недурна! Баба, услыхавъ о приговорѣ, обратилась «къ церкви», какъ здѣсь говоритъ народъ, то-есть перешла въ православіе. Это должно было избавить ее отъ ссылки. Но духовное начальство предписало мѣстному священнику наблюдать за ней (въ острогѣ) и донести, искренно ли ея раскаяніе въ прежнихъ раскольничьихъ заблужденіяхъ, дабы сообразно съ степенью раскаянья—оставить на мѣстѣ или сослать на Кавказъ.

Богадельня устроена извѣстнымъ богачомъ, олонецкимъ уроженцемъ, владѣтелемъ повѣнецкаго и множества другихъ лѣсопильныхъ

заводовъ и лѣсовъ, Громовымъ, теперь московскимъ купцомъ. Онъ пожертвовалъ на содержаніе богадельни 30,000 руб., но и половина процентовъ не издерживается, потому что въ богадельнѣ всего пять человѣкъ и нѣсколько цыганскихъ дѣтей. Это не значитъ, однако, что въ Повѣнцѣ и его уѣздѣ мало нуждаются въ благотворительности, а только то, что особенно у насъ человѣкъ самый нищій и убогій неохотно идетъ и въ хорошую богадельню: жить подъ присмотромъ, внѣ семьи и родной деревни — тяжело. Въ Повѣнцѣ начальство того мнѣнія, что богадельню слѣдуетъ закрыть, а вмѣсто того раздавать пособія деньгами, хлѣбомъ и платьемъ по домамъ. Мнѣніе это вполнѣ вѣрно. Изъ всей суммы, издерживаемой на богадельню, только треть идетъ на содержаніе 5 убогихъ, а остальное на жалованье (хотя и ничтожное) смотрителю и служителю, ремонтъ и содержаніе дома. Слѣдовательно безъ богадельни можно было бы дѣлать втрое болѣе благотворительности. Люди бывалые сказывали мнѣ, что то же самое они замѣтили и относительно богаделенъ въ другихъ городахъ.

Я упомянулъ о цыганскихъ дѣтяхъ. Ихъ трое — старшей дѣвушкѣ уже 16 лѣтъ, двое другихъ еще ребята. Странно было видѣть на такомъ далекомъ сѣверѣ бронзовыя лица египетскихъ выходцевъ. Исторія этой семьи очень трогательна. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ становыхъ приставовъ нашелъ въ глухой части своего округа цыганское семейство. Спрашиваетъ паспорты—нѣтъ ихъ. По закону надобно было цыганъ заарестовать, какъ бродягъ, что и исполнилъ становой. Откуда они взялись? Цыгане показали, что они уроженцы одного изъ финляндскихъ городовъ, бродили весь вѣкъ по сѣверной Финляндіи и забрели въ повѣнецкій уѣздъ, не вѣдая, что это часть имперіи. Послали за справкой. Финляндскій магистратъ отвѣчалъ, что знать не знаетъ объ этихъ цыганахъ. Здѣшніе чиновники думаютъ, что магистратъ просто желалъ сбыть съ плечъ безпокойную обузу, да, вѣроятно, и не вписалъ ихъ въ число своихъ гражданъ, такъ что на бумагѣ былъ правъ. А послѣдствія были тяжкія. Цыгане попали, вслѣдствіе этого отзыва, въ разрядъ бродягъ «непомнящихъ родства», противъ которыхъ у насъ существуютъ грозныя положенія — арестантскія роты или ссылка на поселеніе. Взрослыхъ отправили въ губернскій городъ, а оттуда, кажется, въ Сибирь, а дѣтей, по закону, разлучили съ родителями и оставили въ Повѣнцѣ, гдѣ ихъ крестили (оказалось, что эти несчастные паріи были, рѣшительно, безъ всякой религіи) и помѣстили въ богадельню. Съ ними обращаются очень человѣколюбиво. Мальчики посѣщаютъ городское училище; дѣвушка, какъ я сказалъ, выросла, но все еще живетъ въ бо-

гадельнѣ. Священникъ мнѣ говорилъ, что не можетъ вспомнить и теперь безъ волненія раздирающуюся сцену прощанія родителей съ дѣтьми... Хорошо еще, что бѣдныя дѣти нашли хорошій пріютъ и человѣколюбивое обращеніе. Цыганская натура въ нихъ сильно живетъ — любятъ бродить цѣлые дни по лѣсамъ.

Просвѣщеніе въ Повѣнцѣ имѣетъ одинъ органъ—приходское училище. Были вакаціи, слѣдовательно, ученія не было Странно, что у насъ существуютъ вакаціи въ приходскихъ училищахъ, когда дѣтямъ въ первомъ возрастѣ онѣ — положительный вредъ: дѣти забываютъ скоро, чему выучились, если нѣтъ безостановочнаго ученія; а у насъ и подавно не нужны вакаціи: дѣти посѣщаютъ училище не регулярно, а урывками. Въ училищѣ обыкновенное число учащихся 22; дѣвочки учатся при церкви женою одного изъ священнослужителей. Учитель получаетъ 160 руб. въ годъ жалованья и квартиру. Помѣщеніе училища очень порядочное. Жаль только, что учебныя пособія чрезвычайно скудны. Учитель очень хвалилъ дѣтскую хрестоматію г. Паульсона, какъ самую полезную для дѣтей. Въ особенности счастлива мысль печатать стихотворенія и басни въ строку, какъ прозу, это очень облегчаетъ дѣтей. А между тѣмъ такой полезной книги всего одинъ экземпляръ. Высылаются начальствомъ также книги для наградъ дѣтямъ, но это преступно устроено: даютъ въ награду букваря, ими выученные. Правда, при училищѣ находится собраніе въ 90 книгъ, но это какой-то хламъ, ни дѣтямъ, ни взрослымъ ненужный. Законоучитель говорилъ съ большой похвалой о книгѣ «Природа и люди», ею зачитываются и дѣти и взрослые. Далѣе указалъ на неимѣніе священной исторіи, нѣсколько обстоятельной.

Присутственныя мѣста... такія, какъ должно быть. Составъ суда здѣсь отступаетъ отъ общей нормы: за неимѣніемъ дворянства и дворянскихъ выборовъ, дворянскіе засѣдатели назначаются правительствомъ изъ чиновниковъ. Я засталъ одного изъ нихъ — это полякъ, богъ-вѣсть какъ попавшій въ Повѣнецъ.

Въ Повѣнцѣ всегда обрѣтается нѣсколько лицъ иногородныхъ. Послѣднія событія отразились на Повѣнцѣ присылкою ксендза изъ западныхъ губерній. По этому поводу не могу безъ смѣха вспомнить отвѣта одного изъ здѣшнихъ мѣщанъ на мой вопросъ: что бы нужно было сдѣлать, чтобы поднять Повѣнецъ? «Да пусть къ намъ пришлютъ двухъ-трехъ богатыхъ пановъ—вотъ и подымется городъ». Посмотрите, какъ Кемь поднялась,—а отчего?—Сослали туда богатаго человѣка, вотъ онъ и обстроилъ городъ, и промыслы завелъ, и другіе отъ него понажились. А намъ что толку, что присылаютъ голдыбу». Не правда-ли, очень оригинальный способъ развитія благосостоянія.

А. Лохвицкій.